

ОТЗЫВ

оппонента на диссертацию Николаоса Каратаракиса «Эврисемия и полисемия в греческом и русском языках на материале глаголов лексико-семантической группы 'перемещение объекта'», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертационное исследование Николаоса Каратаракиса посвящено одной из сложных и до настоящего времени дискуссионных проблем лексической семантики, соотношению полисемии и эврисемии, рассматриваемому на материале общеупотребительных многозначных глаголов русского и новогреческого языков. В качестве конкретного объекта сопоставительного исследования автор выбирает глаголы лексико-семантической группы 'перемещение объекта', а именно русские глаголы *давать, брать, ставить, класть, принимать, получать* и соответствующие новогреческие глаголы *δίνω, παίρνω, βάζω, δέχομαι, λαμβάνω, βγάζω*.

Уже сама постановка проблемы представляется научно значимой. Эврисемия относится к числу терминов, активно используемых в отечественной и зарубежной лингвистике, но не имеющих однозначного содержания. В разных исследовательских традициях широкое значение трактуется как семантический инвариант, предельно обобщенное значение, способность единицы к широкой референции, высокая сочетаемость либо особый тип организации многозначности. Автор диссертации исходит из необходимости проверить, насколько эти признаки действительно позволяют говорить об эврисемии как о самостоятельном языковом явлении, отличном от полисемии.

В связи с этим актуальность работы связана сразу с несколькими направлениями современного языкознания: теорией лексического значения, проблематикой полисемии и семантического инварианта, лексикографией, корпусной семантикой, сопоставительной лексикологией, словообразованием, фразеологией и лингвистической типологией. Также стоит отметить, что теоретический вопрос рассматривается не изолированно, а проверяется на конкретном сопоставительном материале двух языков, различающихся характером организации лексико-грамматической системы, что убедительно обосновывает автор во Введении.

Н.Каратаракис справедливо обращает внимание на отсутствие единого понимания границы между значением и употреблением, между единым семантическим ядром и совокупностью лексико-семантических вариантов, а также на недостаточную определенность критериев разграничения эврисемии и полисемии. В работе подчеркивается, что такие признаки, традиционно связываемые с эврисемией, как высокая частотность, широкая сочетаемость, множественность денотатов, широкая референция, тенденция к обобщению значения, одновременно оказываются характерными для целого

ряда обычных многозначных глаголов. Именно данное противоречие становится отправной точкой для диссертационного исследования.

Цель работы носит комплексный характер и связана как с обсуждением теоретического статуса эврисемии в целом, так и с сопоставительным и типологическим анализом общеупотребительных многозначных динамичных глаголов исследуемой ЛСГ. Достижению данной цели подчинены задачи, предусматривающие анализ концепций лексического значения, полисемии, моносемии и эврисемии, исследование семантической структуры, словообразовательных свойств, валентности и сочетаемости глаголов, проведение их типологического сопоставления, анализ метафоризации, грамматической и сенсорной метафоры, определение роли данных глаголов в типологической характеристике русского и греческого языков.

Диссертация имеет четко выраженную полемическую направленность. Одним из наиболее существенных результатов исследования становится вывод автора о методологической несостоятельности выделения эврисемии как самостоятельного языкового явления. Соискатель показывает, что признаки, используемые для характеристики эврисемичных единиц, сами по себе не являются специфическими для эврисемии и могут быть объяснены в рамках полисемии, валентностной организации, лексической сочетаемости и системно-типологических особенностей языка. Эта позиция последовательно прослеживается как в первой главе, так и в эмпирическом исследовании второй главы, и далее получает типологическую интерпретацию в третьей главе.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в попытке системно пересмотреть сам статус понятия «эврисемия». Автор разграничивает понятия общего, обобщенного и широкого значения, критически рассматривает возможность обнаружения единого инвариантного «широкого значения» и приходит к выводу о недостаточности существующих критериев для выделения эврисемии как самостоятельной категории. Новизной обладает и сопоставление деривационной продуктивности, валентности, семантического развития и функционирования исследуемых русских и греческих глаголов, а также предложенная автором интерпретация этих различий как одного из проявлений соотношения синтетических и аналитических тенденций. Отдельно следует отметить разработанную в диссертации классификацию коллокаций и анализ механизмов перехода от конкретного к абстрактному значению. Именно эти позиции сформулированы Н.Каратаракисом в качестве основных аспектов научной новизны.

Материал исследования достаточно определен и внутренне организован, в диссертации анализируются двенадцать русских и греческих глаголов, при этом автор использует данные толковых, этимологических, фразеологических и частотных словарей, Национального корпуса русского языка, Корпуса греческого языка и Национального тезауруса греческого языка. В эмпирической части словарный анализ дополняется корпусным

исследованием, анализом сочетаемости, валентности, деривационных отношений, диахронических изменений и переводных соответствий.

Методологический аппарат работы отличается разнообразием. Н.Каратаракис применяет компонентный, дистрибутивный, комбинаторный и контекстуальный виды семантического анализа, сопоставительный и сравнительно-исторический методы, характерологический, словообразовательный, деривационный, корпусный, этимологический и диахронический анализ, методы сплошной выборки, опроса, анкетирования и интроспекции. В целом такое сочетание методов соответствует многоаспектности поставленных задач.

Особого внимания заслуживает корпусная часть исследования. Для каждого глагола автор отбирает до 150 случайных корпусных употреблений; для русских видовых пар выборка распределяется между несовершенным и совершенным видом. В своем анализе автор ограничивается конструкциями с объектом, при этом учитывая синтаксическую модель, формальный и семантический тип объекта, характер реализации значения, буквальное, метафорическое либо идиоматическое употребление и контекстуальный переводной эквивалент. Результаты размечаются и обрабатываются с помощью Python и NLP-инструментов, после чего проходят ручную проверку; полный массив корпусных данных вынесен автором в открытый репозиторий Zenodo. Это следует оценить положительно как стремление обеспечить проверяемость и воспроизводимость исследования.

Важным достоинством работы является соединение количественного и качественного анализа. Н.Каратаракис не ограничивается сопоставлением абсолютной или нормализованной частотности, вводя два уровня количественного анализа: количество уникальных переводных соответствий как показатель «переводной широты» и степень распределенности переводных решений. Согласно полученным данным, особенно высокие показатели демонстрируют новогреческие глаголы *βράζω* и *βάζω*, тогда как для некоторых других единиц картина оказывается более сложной. Автор справедливо оговаривает, что полученные количественные показатели не рассматриваются им как абсолютное доказательство и требуют дальнейшего семантического и контекстуального уточнения.

Структура диссертации логически связана с движением авторской аргументации, автор переводит от теории к эмпирической проверке и далее к системно-типологическому обобщению, что представляет весьма уместным и логичным для рассмотрения поставленной проблемы.

Особо хочется отметить третью главу, где представлена гипотеза, рассматриваемая автором в рамках системной лингвистики и связывается с принципами диалектического понимания языка как динамической системы. В русском языке, по наблюдениям соискателя, исследуемые значения чаще распределяются между производными глаголами; в греческом они в большей степени концентрируются вокруг нескольких высокочастотных базовых единиц, что позволяет автору говорить соответственно о большей роли парадигматической и синтагматической осей.

Также несомненный интерес представляет обращение к концепции грамматической метафоры М.Халлидея: автор анализирует номинализацию и показывает, что наиболее общеупотребительные разговорные глаголы исследуемой группы далеко не всегда являются наиболее продуктивными источниками терминологически значимых девербативов.

Отдельного внимания заслуживает исследование перехода от конкретного к абстрактному объекту. Автор предлагает классификацию коллокаций, учитывающую степень метафоризации глагола и существительного, возможность буквального прочтения и наличие однословного перифразирующего соответствия. В автореферате данная классификация достаточно наглядно представлена на примерах *βάζω όρο*, *δίνω αγάπη*, *βάζω εμπόδια*, *παίρνω μέτρα*, *βάζω υπογραφή*, *παίρνω απόφαση*, *βυάζω το συμπέρασμα* и др.

Для проверки классификации автором проведен опрос 29 информантов, изучающих греческий язык на уровне В1–В2. Участникам предлагалось оценить сложность понимания коллокаций по шестиуровневой шкале. Данный экспериментальный компонент придает работе дополнительный эмпирический аспект.

Теоретическая значимость диссертации определяется, как уже было отмечено выше, критическим пересмотром понятия эврисемии. Автор ставит вопрос не о добавлении очередного набора «широкозначных» лексем к уже описанным в литературе, а о необходимости проверить саму научную самостоятельность данной категории. Работа вносит вклад в обсуждение фундаментальной проблемы соотношения значения и употребления, инварианта и лексико-семантических вариантов, полисемии и контекстуальной реализации. Существенным является соединение лексико-семантического анализа с типологическим: различия в структуре значений автор пытается объяснить особенностями общей организации двух языков.

Определенным теоретическим потенциалом обладает гипотеза «ярких представителей», предполагающая возможность использовать наиболее частотные и функционально нагруженные лексические единицы как диагностический материал при типологическом анализе языковой системы. Сам автор абсолютно корректно отмечает предварительный характер данной гипотезы и необходимость ее дальнейшей проверки на других группах глаголов и языках иных типов.

Практическая значимость работы также не вызывает сомнений. Полученные результаты могут быть использованы в двуязычной русско-греческой и греко-русской лексикографии, поскольку именно общеупотребительные глаголы типа *παίρνω*, *βάζω*, *βυάζω*, *δίνω* часто создают значительные трудности при подборе русского эквивалента и наоборот.

Достоверность результатов обеспечивается сочетанием словарных и корпусных источников, сопоставлением двух языков, применением нескольких взаимодополняющих методов, использованием количественных данных и ручной проверкой автоматически размеченного материала.

Автореферат в целом адекватно отражает содержание диссертации, ее структуру, основные теоретические положения и результаты практического анализа.

При этом, высоко оценивая проделанную работу, следует вместе с тем отметить ряд положений, которые представляются дискуссионными и требуют дополнительного пояснения.

1. Прежде всего возникает вопрос о степени категоричности вывода относительно эврисемии.

Одним из центральных результатов работы является положение о «несостоятельности выделения эврисемии как языкового явления» и вывод о том, что эврисемия не обладает самостоятельным методологическим статусом. Автор приводит серьезные аргументы в пользу данного тезиса, однако само заключение представляется сформулированным несколько категорично. Эмпирическую базу исследования образуют двенадцать глаголов двух языков, причем сам соискатель подчеркивает, что эта группа не является количественно репрезентативной для всей глагольной системы и что типологическая гипотеза носит характер ограниченного индуктивного обобщения.

В связи с этим возникает вопрос: не было бы методологически более осторожным говорить не о несостоятельности эврисемии вообще, а о недостаточности имеющихся критериев для ее противопоставления полисемии на исследованном материале? Иными словами, позволяет ли анализ конкретной ЛСГ окончательно исключить возможность существования иного типа широкозначности в других лексических классах?

2. Также возникает вопрос о принципах включения глаголов в ЛСГ 'перемещение объекта'.

Предложенная группа глаголов *давать, брать, получать, принимать, ставить, класть* и их греческих соответствий и их объединение в единую ЛСГ оригинально, и в работе представлено достаточное обоснование. Вместе с тем для глаголов передачи и получения сема физического перемещения объекта далеко не во всех употреблениях является очевидной; сам автор признает, что у *брать / παίρνω, давать / δίνω, принимать / δέχομαι, получать / λαμβάνω* важнейшее место занимают семы обладания и изменения посессора, а сема перемещения может находиться на периферии семантической структуры.

В этой связи хотелось бы уточнить, каким является обязательный диагностический критерий принадлежности глагола к данной ЛСГ и где проходит граница группы: например, насколько последовательно в нее могут быть включены такие глаголы, как *передавать, отдавать, вручать, посылать, переносить, прятать*, которые также предполагают изменение пространственной либо посессивной позиции объекта?

3. Есть замечание относительно соотношения лексической семантики и общезыковой типологии.

Одним из наиболее интересных положений работы является наблюдение, что более разветвленное приставочное словообразование

русского языка соотносится с синтетизмом и развитием парадигматической оси, тогда как концентрация значений в нескольких базовых греческих глаголах интерпретируется как проявление аналитизма и усиление синтагматической организации.

Данное наблюдение продуктивно, при этом переход от локальных свойств конкретной ЛСГ к характеристике грамматического строя языка требует, на наш взгляд, особенно строгой операционализации. Сам автор признает, что анализируемые глаголы выступают диагностическим материалом и не репрезентируют всю глагольную систему. Поэтому хотелось бы получить ответ на вопрос: какие независимые от исследуемой ЛСГ критерии позволяют доказать, что выявленное различие действительно обусловлено синтетизмом / аналитизмом, а не спецификой истории и лексикализации именно данных глаголов?

4. Касательно сопоставимости корпусных данных хотелось бы прояснить объем корпусного материала. Безусловно, корпусный анализ является существенным достоинством работы. Вместе с тем русский и греческий материал извлекается из разных корпусных ресурсов, которые могут отличаться по объему, хронологическому охвату, жанровому составу, доле разговорных, художественных, публицистических и официальных текстов. Автор приводит нормализованную частотность и тем самым решает проблему различного размера корпусов, однако нормализация на миллион слов сама по себе не устраняет различий в их структуре, тем более что для греческого языка есть гораздо более репрезентативные корпуса текстов (ср., напр., группа корпусов *e1TenTen* и т.п.)

Представляется полезным подробнее пояснить, насколько сопоставимыми по жанрово-стилистическим и хронологическим характеристикам являются подкорпусы, использованные при сравнении частотности, особенно с учетом того, что стилистическая маркированность *λαμβάνω* и *δέχομαι* используется как один из аргументов исследования.

5. Возникает замечание относительно методики дистрибутивного анализа.

Для каждого глагола автор выбирает до 150 случайных примеров, при этом объектная позиция ограничивается существительным в конструкции с винительным падежом и расстоянием не более двух слов между компонентами. Такой подход делает материал формализованным и сопоставимым, но таким образом автор неизбежно исключает часть конструкций с более сложной структурой именной группы, измененным порядком слов, местоименными объектами и некоторыми типами идиоматических сочетаний.

Возникает вопрос: удалось ли автору проверить, в какой степени заданный формальный фильтр может влиять на итоговую картину сочетаемости, особенно в новогреческом языке, для которого свободный порядок компонентов и клитические конструкции имеют существенное значение?

6. Интересным методическим решением представляется использование количества уникальных переводных соответствий и эффективного N как показателей распределенности значений, но здесь, несомненно, присутствует фактор переводческой интерпретации, так как одному контексту потенциально могут соответствовать несколько нормативных вариантов перевода, а выбор одного эквивалента способен увеличивать либо уменьшать число уникальных соответствий.

В связи с этим представляется целесообразным уточнить, как контролировалась субъективность при выборе русских и греческих эквивалентов и привлекались ли независимые эксперты или параллельные корпуса для проверки переводных решений.

7. Для верификации классификации коллокаций автор использует данные 29 информантов уровня B1–B2, изучающих греческий язык. Такой материал, безусловно, интересен с лингводидактической и психолингвистической точки зрения, но статус информантов вызывает вопрос, так как если цель опроса заключается в проверке семантической организации новогреческих коллокаций, то реакции изучающих язык могут зависеть от уровня владения греческим, от уровня владения русским языком как первым и от тактики и стратегии буквального перевода, к которым прибегают информанты.

В этой связи хотелось бы узнать, почему для проверки классификации были избраны именно изучающие греческий язык уровня B1–B2, а не носители языка либо, например, две контрольные группы, носители греческого языка и изучающие язык? И чем обусловлен именно уровень B1 – B2?

8. Авторская гипотеза о «ярких представителях» представляется перспективной, однако ее критерии пока остаются в известной степени открытыми, поскольку частотность, широкая сочетаемость, обобщенность значения, склонность к десемантизации и фразеологизации характерны для многих базовых глаголов.

В связи с этим возникает вопрос: какой набор признаков необходим и достаточен для того, чтобы признать конкретный глагол «ярким представителем» языковой системы, и возможно ли предложить количественный порог таких признаков? Разработка более формализованных критериев сделала бы гипотезу проверяемой на материале других языков.

9. Обращение к традиции системной лингвистики Г.П. Мельникова и к принципу всеобщей взаимосвязи элементов языка в работе исторически и теоретически понятно, вместе с тем достаточно значительная часть третьей главы посвящена изложению истории диалектического материализма и его роли в советском языкознании.

С точки зрения структуры диссертации представляется возможным спросить, какие конкретно результаты эмпирического анализа были бы невозможны без привлечения данного философского аппарата, и в какой мере используемые принципы отличаются от общих постулатов современного системного и функционального подходов. Более эксплицитная

связь между философской методологией и конкретными процедурами анализа усилила бы доказательность третьей главы.

10. В отношении грамматической метафоры автор сам отмечает, что грамматическая метафора в понимании М.Халлидея непосредственно не связана с полисемией, но включает данный раздел в третью главу как компонент системного анализа. Материал представляет интерес, но связь этого раздела с центральной проблемой эврисемии иногда оказывается менее очевидной, чем в разделах о лексической и сенсорной метафоре.

Поэтому хотелось бы: какую именно самостоятельную доказательную функцию выполняет анализ грамматической метафоры в аргументации против выделения эврисемии?

11. Хотелось бы также отметить, что автореферат в целом адекватно воспроизводит содержание работы, но вместе с тем формулировка цели в диссертации и автореферате не полностью совпадает. В тексте диссертации цель сформулирована как выявление семантических, валентностных и словообразовательных характеристик русских и греческих многозначных глаголов на основе дискуссионности эврисемии и определение их роли в типологической характеристике языковой системы, тогда как в автореферате акцент перенесен на обсуждение теоретического статуса эврисемии и проведение сопоставительного и типологического анализа. Содержательного противоречия между этими формулировками нет, однако для документов, сопровождающих защиту, было бы желательно их максимально унифицировать.

12. В тексте диссертации и автореферата встречаются отдельные стилистические, грамматические и технические неточности, не влияющие на содержание исследования: повторы, нарушения согласования, отдельные опечатки, не всегда единообразное оформление греческих примеров, терминов и ссылок, так, например, в описании методов встречается формулировка «метод сплошной выборки языкового материала и метод анкетирования были использованы для опроса».

Все перечисленные замечания носят преимущественно дискуссионный и уточняющий характер. Они связаны, прежде всего, с масштабностью поставленной автором теоретической задачи и стремлением перейти от анализа отдельной ЛСГ к общесемантическим и типологическим выводам, не снижают общей научной ценности работы и могут рассматриваться как направления дальнейшего развития предложенной концепции.

В целом диссертация Николаоса Каратаракиса представляет собой самостоятельное, завершенное научно-квалификационное исследование, в котором поставлена и последовательно решается актуальная проблема современной лексической семантики и сравнительно-сопоставительного языкознания.

Автореферат соответствует основным положениям диссертации. Основные результаты исследования получили необходимую апробацию и отражены в публикациях автора.

Диссертация соответствует заявленной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», поскольку затрагивает теоретические проблемы лексикологии и лексикографии, терминологический аппарат современной семантики, вопросы типологически ориентированного описания языков и сравнительно-сопоставительного анализа.

На основании изложенного можно заключить, что диссертационная работа Николаоса Каратаракиса «Эврисемия и полисемия в греческом и русском языках на материале глаголов лексико-семантической группы 'перемещение объекта'» представляет собой завершённое самостоятельное исследование, содержащее новые научные результаты и имеющее теоретическую и практическую значимость.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Каратаракис Николаос, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент Тресорукова Ирина Витальевна

31 августа 2026 года

Подпись заверяю

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

Кандидат филологических наук, специальность 10.02.14 «Классическая филология. Византийская и новогреческая филология», доцент кафедры византийской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Тресорукова Ирина Витальевна

Москва, 119899, ГСУ-1, Ленинские горы, дом 1 строение 51, +74959393277, dekan@philol.msu.ru